Петр Васильевич уже давно был в солидном возрасте, но жил активной жизнью: занимался общественной работой, возглавлял совет ветеранов. Генерал в отставке, всегда подтянутый, аккуратно выбритый, с красивой сединой, ростом под метр восемьдесят, он продолжал трудиться, каждый день ходил на работу, помогал сослуживцам. Правда, после смерти жены немного сдал, но подлечился в ведомственном санатории и опять за работу, в совет ветеранов. А там появилась юная помощница из волонтеров – чуткая, внимательная, добрая, симпатичная, пухленькая, курносенькая, с розовыми щечками, пышущая здоровьем девушка. Приехала она откуда-то из глубинки. Здесь, в городе, не было у нее ни кола ни двора, и имя у нее было необычное – Фрося.

В период своей молодости он много раз смотрел фильм «Приходите завтра», где главную героиню звали Фрося Бурлакова, и он тогда безумно был влюблен в эту девушку с Урала. Сравнивая Фросю из его юности и Фросю, появившуюся в его реальной жизни, Петр Васильевич с удовольствием думал, что «его» Фрося, пожалуй, посимпатичнее той, киношной. Но тут же хмурился, вспоминая слова своего командира, который говорил, что когда мужику перевалит за шестьдесят, все женщины младше сорока, все без исключения, кажутся старым пердунам красавицами. Может, так, может, и не так. Но тот же его командир, которого Петр Васильевич уважал бесконечно, говорил, что самая лучшая жена в старости – это сиделка с медицинским образованием.

Петр Васильевич поинтересовался у волонтерки Фроси ее образованием, и она ответила, что окончила медицинское училище.

Петр Васильевич крепко задумался.

После смерти жены жить стало скучно и неудобно. Детей они не нажили, и старость все больше и больше давила одиночеством. Вдобавок

то тут заболит, то там заболит. Застолья и встречи с товарищами начали утомлять, а не веселить, как раньше. Появилась физическая усталость – ежеминутная, каждодневная. Поэтому все чаще и чаще Петр Васильевич начинал подумывать о помощнице по дому и по дальнейшей жизни.

А тут Фрося.

И, как опять же говаривал его командир: «девушка из деревни, которая слаще морковки ничего не едовала».

И Петр Васильевич все чаще и чаще стал представлять себе свою старость, такую тихую, уютную, с юной женой, пышущей здоровьем, которая всегда рядом: и днем и ночью, в радости и в горе…

– Неплохо, неплохо, – шептал сам себе Петр Васильевич.

Но уж больно была большая разница в возрасте между ним и Фросей.

У Петра Васильевича имелась квартира в центре города, джип иностранного производства, дом в коттеджном поселке недалеко от города, солидные сбережения, а у нее ни кола ни двора. Он – генерал, а она кто? Кто ее родители? Непонятно. Да и молодежь сейчас живет совсем в другом мире, другие герои, интересы, желания. Могут произойти недопонимания. Все это тревожило, смущало и беспокоило Петра Васильевича.

Он даже вспомнил известную картину «Неравный брак», на которой было изображено венчание старика и убитой горем молодой девушки. Правда, это было в позапрошлом веке, но все равно Петру Васильевичу такой картины в его реальной жизни не хотелось.

После долгих раздумий, взвесив все за и против, он решил рискнуть. Купил репродукцию этой картины, повесил ее в своем загородном доме, а потом пригласил туда в гости Фросю.

Приехав в гости к Петру Васильевичу в его загородный дом, Фрося посмотрела на картину и сказала, что все это ерунда, а главное – любовь, которой все возрасты покорны, и… осталась на ночь.

Утром Петр Васильевич понял, что он влюбился, как пацан, по уши! И, как ни странно, это его нисколько не смущало и не тревожило, а даже он был рад этому. И мысленно благодарил судьбу за такой подарок.

Днем они уже вместе смотрели семейные и служебные фотоальбомы. А когда Петр Васильевич рассказал, как и от чего умерла его жена, Фрося даже всплакнула, чем окончательно растрогала Петра Васильевича.

Фрося с большим интересом перелистывала альбом с фотографиями жены, друзей и родителей Петра Васильевича, внимательно слушая рассказы Петра Васильевича о своей героической службе и семейной жизни. И как-то незаметно они перешли на «ты». А когда она стала называть его Петей, он засветился от радости. Так его никто не называл уже лет сорок, и даже покойная жена звала его только по имени и отчеству.

А Фрося все: «Петя да Петя», «Петя, пойдем туда», «Петя, скушай то», «Петя, оденься потеплее...» А когда он как бы понарошку оглядывался: кого это она называет Петей, Фрося заливисто смеялась, открывая стройный ряд мелких белоснежных зубиков, которые очень нравились Петру Васильевичу.

Но если она хмурилась или печалилась, то казалось, она больше переживала за кого-то, чем за себя. Старый генерал видел, что в ней нет никакой хитрости. И, как бы сказал бывший командир Петра Васильевича, Фрося, «как и всякая баба, была дура дурой».

«Пусть и так, – думал Петр Васильевич, – лучше с простушкой, чем с умной. От женского ума и хитрости еще по миру пойдешь, если раньше не помрешь».

И пока Петр Васильевич так думал и рассуждал, Фрося все жила и жила у него в его загородном доме. И было так хорошо и уютно Петру Васильевичу, как давно уже не было.

В один из дней они вместе сняли со стены картину Пукирева «Неравный брак», забросили ее в сарай и прямиком поехали в загс. Петр Васильевич пригласил на регистрацию своих друзей-генералов, ему хотелось похвастаться перед ними хорошенькой женой, как когда-то они хвалились друг перед другом новыми погонами.

Свадьбу отмечали в дорогом престижном ресторане. Друзья пришли без своих жен, вели себя скромно, особо не поздравляли. Свадебный банкет закончился боевыми песнями, генеральскими шутками и недвусмысленными пожеланиями долгих лет счастливой семейной жизни.

Жизнь у Петра Васильевича потекла как в раю. Квартира и загородный дом наполнились смехом, молодостью и здоровьем. Петр Васильевич был счастлив, помолодел, забыл о своих болезнях и всем рассказывал, как трепетно его Фрося ухаживает за ним, как она его любит и что он обрел в старости покой и счастье.

Петру Васильевичу стали завидовать его бывшие сослуживцы. А Фросе завидовали ее подруги. Шептались и почему-то злились на нее.

Но в конце медового месяца Петр Васильевич неожиданно почувствовал себя плохо. Вызвали скорую. Врач, послушав, посмотрев и пощупав Петра Васильевича, сказал, что ничего страшного, просто сказались волнения последних событий и дополнительные физические нагрузки вперемежку с эмоциональными всплесками. Услышав эти слова, Фрося покраснела, а врач, прописав лекарства и покой, посоветовав молодоженам беречь друг друга, покинул семейное гнездышко.

Фрося не отходила ни на минуту от Петра Васильевича. Не спала, не ела, сама делала уколы, мерила пульс и кормила Петра Васильевича из ложечки. Она быстро выходила своего мужа.

После выздоровления Петр Васильевич перекрестился и поблагодарил Бога за то, что Он подарил ему такую девушку, то есть жену.

«Теперь можно жизнь доживать спокойно», – решил для себя Петр Васильевич.

Видя это, друзья стали говорить про него: «Счастливчик». А подруги Фроси вместо зависти теперь жалели ее и говорили: «Бедная, убивает свою молодость: не спит, переживает, убирает, подмывает, стирает, бегает по аптекам... Господи, он-то старый, больной, скоро помрет, а она молодая, здоровая, превратится в старуху!»

Но Фрося делала свое женское дело и делала, и была счастлива не меньше Петра Васильевича. Все у них было прекрасно. Оставалось только жить, не обращать внимания на пересуды и радоваться жизни.

Сколько проживет Петр Васильевич, и хватит ли у Фроси терпения на уколы, бессонные ночи рядом со стариком? Это уже был другой вопрос. Каждый из них выбрал свою судьбу, и все вроде дальше в их жизни было понятно.

Но тут судьба решила посмеяться над бравым генералом и преподнесла ему сюрприз.

Фрося забеременела.

Петр Васильевич вначале опешил. У него никогда не было детей. А тут, в таком возрасте, и вдруг дети?.. Ему никак не хотелось делить еще с «кем-то» так удачно устроенную старость.

Петр Васильевич замкнулся, стал раздражительным, потух и сгорбился.

Фрося быстро поняла, что к чему, а поняв, быстро успокоила старого генерала. Сделала аборт.

Потом второй. Потом третий.

Когда пошла после очередной задержки к гинекологу, ее без объяснения причин не отпустили из больницы. Вызвали Петра Васильевича.

Рак.

Петр Васильевич прямо как с разбегу в стену… Первая его жена умерла от рака груди, но с ней-то они прожили сорок лет, а тут – на тебе: Фрося, девочка…

Врач заявил, что причина онкологии – аборты.

Прямо так и плюнул этими словами Петру Васильевичу в лицо.

А Фрося, как узнала про диагноз, страшно напугалась:

– Петя, что это?! За что?! Что я плохого сделала?!

Петр Васильевич после этих слов стал во всем винить себя. И в смерти первой жены, и в болезни Фроси. Впервые ему показалось, что жизнь его закончилась. Хотел застрелиться, но не стал этого делать . Себя не было жалко, жалко было Фросю. Решил, что надо ее спасать.

В больнице Петр Васильевич оформил платное лечение, перевел Фросю в ВИП-палату, договорился с лечащим врачом о солидном вознаграждении. Оформил на себя вторую кровать в ее палате и стал дежурить у Фроси круглосуточно.

А она только плакала да обнимала Петра Васильевича, и все твердила:

– Ты прости меня, Петя, прости, я не нарочно.

Петр Васильевич гладил ее по стриженной головке и повторял:

– Все будет хорошо, верь мне. Никому тебя не отдам... никому.

– Я верю, Петенька, верю. И ты верь мне. Я поправлюсь, и у нас опять все будет хорошо.

– Мы с тобой всех победим! – уверял Фросю Петр Васильевич.

Ухаживал за ней он легко и быстро, с шутками и прибаутками.

А на самом деле Петру Васильевичу было тяжело. Тяжело физически. Приходилось постоянно бороться с самим с собой. Бороться со своей дряхлостью, старостью, болезнями, немощью. У него самого был сахарный диабет, гипертония, страшные боли в пояснице и в левом боку. «Вот тебе и счастливая старость», – мысленно говорил себе Петр Васильевич.

Но даже посторонние, когда видели, как он быстро, осторожно и аккуратно ухаживает за своей больной женой, думали, что ему лет пятьдесят, не более, и что он сильный и здоровый мужчина.

Он всеми силами старался не показывать, как ему тяжело нести это бремя. Иногда даже подать стакан воды Фросе стоило ему большого труда. Но Петр Васильевич ухаживал за Фросей так, чтобы не только она, но и врачи не замечали, как ему тяжело и больно.

После трех месяцев усилий врачей, мучений Петра Васильевича и терпения бедной Фроси она стала таять прямо на глазах. Последние дни жила только на обезболивающих уколах. По ночам, когда вся больница затихала, а Фрося забывалась от снотворного, Петр Васильевич, убежденный атеист, ставил в правом углу палаты маленькую фотоиконку

какого-то святого, вставал на колени и молился придуманными им самим молитвами, в которых просил спасения для своей бедной девочки. И даже предлагал свою жизнь за жизнь Фроси.

Но Фрося не выздоравливала.

И опытная пожилая санитарка шепнула ему:

– Готовься, милок, сегодня в ночь преставится.

Да и сама Фрося, очевидно, это почувствовала. Вечером попросила у Петра Васильевича листочек бумаги и карандаш. Что-то там нарисовала, не то написала карандашиком на листочке, аккуратно сложила листочек и отдала Петру Васильевичу.

Тихо попросила:

– Посмотри потом… когда… когда я там уже буду.

И показала глазами на небо. Потом закрыла глазки и умерла.

Петр Васильевич зажал этот клочок бумажки в кулаке. Задрожал и впервые боевой генерал заплакал.

И уже дома, после похорон, Петр Васильевич, уставший и обессилевший, совершенно случайно нашел в кармане бумажку Фроси. Ее предсмертное послание. Нашел, но долго не мог развернуть и прочитать.

Боялся.

Что там? Просьба? Прощение? Проклятие?

Помял, помял бумажку Петр Васильевич и развернул.

А там было нарисовано маленькое пронзенное стрелой сердечко и написаны лишь два слова:

«Люблю тебя».